

**Авторская речь как стилистическая категория
(на материале рассказов Е. Д. Айпина)**

Г. В. Кукуева

*Сургутский государственный педагогический университет,
г. Сургут, Российская Федерация,
kupala@inbox.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Одной из актуальных проблем современной лингвистической стилистики является описание идиостиля региональных писателей. В связи с этим разрабатываются такие понятия, как «сибирский текст», «алтайский текст», «югорский текст». Произведения Е. Д. Айпина относятся к югорскому тексту, отражающему языковую картину мира жителей севера Западной Сибири. Семантико-стилистические и языковые особенности организации авторской речи в текстах заставляют задуматься над вопросом, каким образом регионально-национальные элементы языковой картины мира, соединённые с элементами русской языковой картины, влияют на идиостиль хантыйского писателя.

Цель: проанализировать особенности организации авторской речи в рассказах как важнейшей стилистической категории, формирующей идиостиль автора.

Материалы исследования: тексты рассказов, представленные в третьем томе Собрания сочинений Е. Д. Айпина.

Результаты и научная новизна. Новизна исследования определяется тем, что авторская речь как базовая категория, формирующая идиостиль Е. Д. Айпина, не становилась объектом пристального изучения айпиноведов. Выявлено, что особенности синтактико-стилистической организации авторской речи зависят от типа рассказчика и от формы повествования. В рассказах с диегетическим повествователем доминирующей композиционно-речевой структурой является диалогизированный внутренний монолог рассказчика, отражающий народно-поэтическую основу идиостиля Е. Д. Айпина. Тексты с экзегетическим повествователем представляют собой несобственно-авторское повествование сказового типа, в котором совмещаются субъектно-речевые партии повествователя и персонажей с доминированием авторского «слова». В работе сделан вывод о способах представления образа автора, об особенностях организации чужого высказывания, о взаимодействии в речевой партии повествователя признаков разговорного, публицистического и художественного стилей как отражения этнической составляющей в языке писателя.

Ключевые слова: идиостиль, лингвистическая поэтика, авторская речь, региональная литература, югорский текст, проза Е. Д. Айпина.

Для цитирования: Кукуева Г. В. Авторская речь как стилистическая категория (на материале рассказов Е. Д. Айпина) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 70–79.

**Author's speech as a stylistic category
(based on stories by Ye. D. Aipin)**

G. V. Kukueva

*Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russian Federation,
kupala@inbox.ru*

ABSTRACT

Introduction: one of the current issues of modern linguistic stylistics is the description of individual style of regional writers. That's why such notions as «Siberian text», «Altai text», «Yugra text» are develop. Ye. Aipin's works belong to Yugra text reflecting the language picture of the world of the northern residents in Western Siberia. Semantic-stylistic and language features of the author's speech organization in the texts make think about the question, how regional and national elements of the language picture of the world (combined with elements of the Russian one) influence the writer's individual style.

Objective: to analyze the peculiarities of the author's speech organization in the stories as the most important stylistic category forming the author's individual style.

Research materials: texts of the stories presented in the third volume of the Collection of Works by Ye. D. Aipin.

Results and novelty of the research: Novelty of the study is defined by the fact that the author's speech as a basic category forming Ye. Aipin's individual style has not been the object of close examination by his literary scholars. It was found that the features of the syntactic and stylistic organization of the author's speech depend on the type of the narrator and narrative form. In stories with a diegetic narrator, the dominant compositional and speech structure is the dialogized internal monologue of the narrator reflecting the folk-poetic basis of Ye. Aipin's individual style. Texts with an exegetic narrator are built in the form of non-author's narrative type, in which the subjective and speech roles of the narrator and characters are combined with the author's «word» domination. The paper concludes about the ways of representation of the author's image, about the peculiarities of organization of someone else's utterance, about the interaction in the narrator's speech party of signs of colloquial, journalistic and artistic styles as reflection of the ethnic component in the writer's language.

Key words: individual style, linguistic poetics, author's speech, regional literature, Yugra text, Ye. Aipin's prose.

For citation: Kukueva G. V. Author's speech as a stylistic category (based on stories by Ye. D. Aipin) // Vestnik Yugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (1): 70–79.

Введение

Художественно-литературное творчество Е. Д. Айпина отличается соединением элементов русской культуры с этнокультурными традициями хантов. Первые свои произведения автор писал на хантыйском языке, однако позже языком его рассказов, зарисовок, романов стал русский язык, или, по словам Ю. Вэллы, «ненецко-хантыйско-русский язык в ненецко-хантыйско-русской форме» [3, 8]. Смена языка не привела к утрате национальной самобытности идиостиля Е. Д. Айпина, напротив, как отмечает О. К. Лагунова: «дала возможность через русский язык достигнуть сознания всех своих родственников, живущих в различных концах мира, послать им весть о жизни и вере, сделать это поверх барьеров диалектной раздробленности национальных языков» [11, 4].

Переплетение этно-культурных кодов, стилей позволило Е. Д. Айпину отразить национальную картину мира, представить её в разных проблемно-тематических и жанрово-стилевых модификациях текстов. В связи с чем особое место в произведениях писателя заняла проблема изучения образа автора, в частности, такой его составляющей, как авторская речь. На сегодняшний день в арсенале айпиноведения доминируют работы литературоведческого характера, в которых исследователи обращаются к изучению национального своеобразия творчества писателя [5; 15; 16], мотивов [9], системы образов [7; 8; 17]. С точки зрения лингвистической поэтики, в центре которой

находятся такие категории, как образ автора и его репрезентанты в тексте – речевые партии повествователя и персонажей, творчество Е. Д. Айпина исследовано лишь фрагментарно [1; 4; 10; 11]. При этом изучение языка любого писателя – это своеобразный способ проникнуть в его художественный мир, в тайны идиостиля и языковой личности [20].

Цель данной статьи – проанализировать особенности организации авторской речи в рассказах Е. Д. Айпина как важнейшей категории, формирующей идиостиль автора.

Объект исследования – авторская речь. Вы скажем несколько теоретических замечаний относительно определения данной категории. «Авторская речь представляет собой особым образом организованные фрагменты текста, в которых происходит авторское самораскрытие» [20, 43]. Данная категория проявляется в каждом структурном элементе текста: в заглавии, зачине, системе образов, конфликте, в лирических отступлениях, в способах выхода на диалог с читателем и т. д. Характеристики рассматриваемой категории, бесспорно, являются значимыми. Однако представляется необходимым дополнить корпус её признаков. Ссылаясь на позицию Н. А. Кожевниковой [6], отметим, что авторская речь – это композиционное единство, организованное точкой зрения автора или авторскими масками, представленными диегетическим/экзегетическим повествователями. При описании композиционно-речевых особенностей данных типов повествователей мы опираемся на работы Е. В. Падучевой [12],

S. Ehrlich [18] Ch. Fillmore [19], M. J. Toolan [21]. В тексте авторская речь имеет своё содержание, функции, особенности языкового выражения.

Предмет исследования – композиционно-речевые и стилистические особенности организации авторской речи.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили рассказы Е. Д. Айпина, написанные в период с 1993 по 2011 годы [2]. Данные произведения представляют собой единую совокупность, объединённую тематикой, мотивами и названием «Река-в-Январе».

Описание текстового материала производилось на основе методики лингво-стилистического описания и имманентного метода, позволяющих рассмотреть идиостиль автора с учётом литературно-языкового и культурного контекстов.

Результаты

Анализ композиционно-речевой организации текстов рассказов Е. Д. Айпина «Река-в-Январе» на основе вышеуказанных методов, даёт все основания говорить о значимости авторского речевого слоя, представленного в форме монолога (внешнего, внутреннего, диалогизированного) и несобственно-авторского повествования. Рассмотрим на конкретном текстовом материале, какие стилистические особенности организации авторской речи наиболее ярко проявляются в каждой композиционно-речевой форме, как влияет тип рассказчика на репрезентацию авторского лика.

В рассказах, где основным нарратором выступает диегетический повествователь, авторская речь представляет собой субъективированное образное лирическое повествование или описание с элементами исповедальности и автобиографичности. Данные качества речи формируются благодаря созданию особой тропической системы, предполагающей взаимодействие в речевой партии рассказчика одновременно нескольких тропов: «Осень позвала меня в светлый сосновый бор-беломошник. Она остановилась на взгорье, где светлотородые сосны тихо перебирали струны остяцкой скрипки. И я, замерев, слушал эту симфонию

золотисто-огненной коры, зелёных и порыжевших иголок, седых лишайников и белого ягеля. И высокое небо вторило соснам невесомым смычком журавлиных стай, и ветерок тонко и нежно подпрыгивал на струнах паутины, и лучи солнца легко и плавно скользили по неприметным клавишам чуткого бора» [2, 28–29]. В приведённом примере основным средством выразительности является олицетворение «Осень позвала меня. Она остановилась на взгорье. Высокое небо вторило соснам. Ветерок подпрыгивал». Множественные эпитеты создают красочный осенний пейзаж «светлый бор-беломошник», «золотисто-огненная кора», «зелёные и порыжевшие иголки». Стоит отметить, что описываемые образы в восприятии рассказчика наделены признаками живых существ, поэтому в стилистике авторской речи часто наблюдается нетипичное соединение неодушевлённых существительных с качественными прилагательными, требующими по грамматическим законам одушевлённое существительное: «**светлотородые** сосны», «**седые** лишайники», «**чуткий бор**». Сложные индивидуально-авторские метафоры формируют не только образ осени, но и внутреннее состояние рассказчика – музыку его души: «струны остяцкой скрипки» / «симфония золотисто-огненной коры» / «смычок журавлиных стай» / «струны паутины» / «клавиши чуткого бора». Активное использование гипертропов в речевой партии рассказчика является стилевой чертой Е. Д. Айпина, поскольку именно это средство даёт возможность автору воссоздать неразрывную связь человека и природы, столь значимую в языковой картине мира хантов. Природные образы (яркость, насыщенность, звуковое сопровождение, передача запахов) в тексте выступают своеобразным кодом для раскрытия внутреннего состояния рассказчика.

Исповедальность авторской речи задаётся фрагментами воспоминаний, в которых важную роль играют глаголы семантического поля «память», а также психического или физического состояния, представленные в форме настоящего или прошедшего времени несовершенного вида: «**Помню** каждое твоё движение. **Помню** каждый твой вздох <...>. Каждый раз ты **представала** передо мной другой, неизвестной и непознанной. И каждый раз я **открывал** для себя новый мир твоего тела и твоей души» [2, 127].

Автобиографичность речевой партии проявляется в точном указании географических мест: «Моей же родиной было **правобережье Оби**. Моя река **Аган** впадает в **Обь** немного выше устья **Салыма**» [2, 85]. В подробном описании событий прошлого с уточняющими и поясняющими компонентами: «Помнится, там, дома, как-то мы с ним плавали по Югану, левому большому притоку Оби, где жили наши сородичи, **обские угры, или остяки**. Тогда он сделал сотни карандашных набросков. Лёгких, быстрых, сиюминутных. В основном людей. Точнее, характеры людей. Или, если хотите, судьбы людей» [2, 78].

В рассказах с диегетическим повествователем по частотности доминирует внутренний диалогизированный монолог рассказчика. Он может заменять собой традиционный зачин (рассказы «Осень в твоём городе», «Где же ты, осень?»), выполнять функцию структурно-смыслового каркаса всего рассказа («Моя княжна», «В мир вечного покоя», «Ночь Мастра», «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро»). Повествовательные и описательные фрагменты текста пропускаются через призму восприятия рассказчика, практически всё текстовое пространство заполняется его речью. Рассказчик ведёт мысленный диалог с собеседником, в роли которого выступают возлюбленная, близкий друг. Выбор такой формы повествования связан с репрезентацией лирического образа рассказчика, остро переживающего и воспринимающего события, связанные с любовной или жизненной коллизией. Речевая партия рассказчика звучит как своего рода стихотворение в прозе, наполненное красками, звуками, ритмами. Рассмотрим наиболее показательные примеры.

«Я слушал. Слушал ревниво. Я ревновал Тебя к Твоему городу. И, ревнуя, наслаждался Твоим изумительным **голосом**, чистым, нежным <...>. Я улавливал в очаровывающей музыке Твоих **слов** и вздохи ласкового моря, и шелест осенних листьев в прибрежном лесу, и серебряный звон таёжного родника. Твой **голос** завораживал меня, усыплял, волшебным переносил в совершенно другой мир, в другое измерение» [2, 9]. В данном фрагменте образ любимой рождается через условно диалоговую форму построения речевой партии рассказчика, через интимную беседу с той, чьё имя он хранит в тайне и заменяет его местоимением

«Ты». В большинстве рассказов книги «Река-в-Январе» имя любимой женщины скрыто. Сакральность женского образа, с одной стороны, говорит о предельной интимности переживаний рассказчика, с другой стороны, служит отголоском национальной традиции хантов – хранить в секрете, «от сглаза» подлинное имя человека. Важную роль в построении образа играет деталь. В приведённом примере деталью служит голос возлюбленной. Он воссоздаётся в речи рассказчика через развёрнутые метафоры и сравнения с природными явлениями: «очаровывающая музыка слов», «вздохи ласкового моря», «шелест листьев», «серебряный звон родника». Лирическое переживание рассказчика облекается в особую мелодию, в создании которой участвует целый спектр стилистических приёмов: 1) повторы глагола восприятия «слушал», однокоренные лексемы «ревниво», «ревновал», «ревнуя»; 2) слова, включающие семантику звучания: «голос», «симфония», «музыка», «вздохи», «шелест», «серебряный звон», «родник». Особую смысловую нагрузку несут приёмы поэтического синтаксиса, среди которых частотны: анафора «Я слушал» / «Я ревновал» / «Я улавливал». Передача внутреннего настроения, переживаний рассказчика через природные образы служит отражением национальной черты в идиостиле Е. Д. Айпина. В этнических представлениях хантов природа представляет собой всеобъемлющую живую стихию, пронизанную таинственными могущественными силами, и в эту стихию включён человек.

Как способ ритмо-мелодической организации монолога часто используется парцелляция в сочетании с присоединительными конструкциями и неполными предложениями: «Одну картину можно было рассматривать очень долго. С разных точек зрения. С разным настроением. В разное время года. В разное время суток. В разную погоду. И всегда находишь там что-то новое для себя. Утром – одно. Поздним вечером – другое» [2, 79].

Особым приёмом ритмизации текста становится графическое выделение частей речевой партии рассказчика: каждое предложение начинается с новой строки. Монолог рассказчика внешне напоминает белый стих:

«А время мимолётно.

А время быстротечно.

Так кончалась осень.

Так постепенно подбиралась зима». [2, 24]

Как правило, такое построение речевой партии встречается в финальной части монолога и используется для передачи наивысшего накала душевного переживания рассказчика. Особую стилистическую нагрузку в данных фрагментах речевой партии рассказчика несут анафоры и лексические повторы. Благодаря им рождается, свойственная хантыйскому языку песенно-протяжная форма.

Диалогизация внутреннего монолога может осуществляться путём ввода чужой речи. Поскольку сюжетобразующую функцию в рассматриваемых произведениях выполняет авторская речь с элементами ретроспекции, то введение в неё чужой цитированной речи даёт возможность расширить смысловое пространство текста. Рассмотрим пример: «Картины свои он продавал редко и неохотно, разве когда заставляла нужда. Скорее, раздаривал их. Предпочитал жизнь тихую, уединённую, незаметную. Без шума и суеты. И когда его «открыли» и заговорили о первой экспозиции, выставке, охватила лёгкая оторопь. Ибо оказалось нелёгким делом отобрать что-то для выставки из сотен равнозначных произведений. Все его вещи признали бесспорными. Тем более, как утверждали искусствоведы (РЕМАРКА), у него не было периода ученичества. Он родился художником. Оказался живописцем с первого рисунка. И этот рисунок сохранился то ли с четвёртого, то ли с пятого класса... Потом его картины потихоньку пошли «в народ». Вышел первый альбом. Правда, за рубежом. <...> А потом его выставка приехала в эту Северную страну. Хозяева увидели картины и сказали (РЕМАРКА): **вот вам тихий живописный городок, вот мастерская, живите и работайте. Без всяких условий.** И он, подумав, согласился (РЕМАРКА): **попробую.** Я понимаю его. Там, дом, Север, и нет мастерской. А здесь тот же Север и есть мастерская. Отчего же не попробовать?» [2, 76].

Приведённый текстовый фрагмент представляет собой авторский диалогизированный монолог, в котором наряду со «словом» рассказчика обнаруживаются элементы чужой речи, воспроизводимые разными способами: цитатным включением, конструкциями с чужой речью. Элементы разговорного синтаксиса свидетельствуют об имитации устной речи и, как следствие, о слиянии голосов рассказчика и героя. У читателя возникает ощущение, что

рассказчик в своей речи воспроизводит некогда состоявшийся диалог с другом-художником. Для создания атмосферы реального общения он сохраняет элементы разговорности. В ходе анализа фрагмента можно увидеть частотность неполных контекстуальных предложений с постпозицией распространителей подлежащего: «Предпочитал жизнь тихую, уединённую, незаметную»; парцелированных конструкций: «Без шума и суеты» / «Без всяких условий», «Вышел первый альбом. Правда, за рубежом»; присоединительных конструкций: «И когда его «открыли» и заговорили о первой экспозиции, выставке, охватила лёгкая оторопь» / «И этот рисунок сохранился то ли с четвёртого, то ли с пятого класса». В речи рассказчика наблюдается присутствие разнотилевого лексикона: элементы книжного стиля «охватила лёгкая оторопь», «ибо оказалось нелёгким делом», «его вещи признали бесспорными» сочетаются с разговорными лексемами: «выставком», «его открыли», «картины потихоньку пошли «в народ».

Смысловая ёмкость и объёмность авторского диалогизированного монолога рождаются благодаря вводу чужой речи, воспроизводящей точку зрения необозначенных персонажей — искусствоведов. Чужое высказывание вводится в речь рассказчика конструкцией с произнесённой свободной прямой речью «Хозяева увидели картины и сказали (РЕМАРКА): **вот вам тихий живописный городок, вот мастерская, живите и работайте. Без всяких условий.** Как ответная реплика на предложение «хозяев» звучит речь художника, также воспроизведённая свободной прямой речью «И он, подумав, согласился (РЕМАРКА): **попробую.** Выбор данной конструкции оправдан как стилистически, так и композиционно. Свободная прямая речь отличается экономностью, подлинностью и точностью передачи чужого высказывания, сохранением его эмоционально-содержательной стороны. Доминантной чертой конструкции служит синтез публицистического и художественного стилей. На уровне структуры и синтактико-пунктуационной организации рассматриваемая форма речи отличается прозрачностью перехода от авторской ремарки к чужому «слову»: отсутствует полный набор графических маркеров, которыми обычно выделяется прямая речь на письме. Сигналом перехода от речи автора к речи персонажа

служит ремарочный глагольный компонент, пунктуационным показателем является двоеточие. Свободной прямой речи свойственна полная морфологическая соотнесённость с лексическим и грамматическим составом прямой речи, что в данных примерах проявляется в сохранении личного местоимения 2 лица «вам»; личной формы глагола «попробую»; в оформлении реплик номинативными односоставными предложениями, указывающими на то, что диалог между персонажами происходит здесь и сейчас «вот вам тихий живописный городок, вот мастерская». Таким образом, свободная прямая речь помогает точно и полно воспроизвести элементы делового общения персонажа с искусствоведами. Однако стоит обратить внимание на высказывание, внешне напоминающее свободную прямую речь: «Тем более, как утверждали искусствоведы (РЕМАРКА), у него не было периода ученичества. Он родился художником. Оказался живописцем с первого рисунка». Употребление несвойственного данной конструкции местоимения 3 лица и соотносимых с ним глаголов указывает на то, что в речевой партии рассказчика присутствует смешанная форма передачи чужого высказывания, в которой наблюдается переход от прямой речи к косвенной. Использование конструкций подобного рода для Е. Д. Айпина – это ещё один из возможных способов объединения разностилевых пластов речи как отличительного признака авторского письма. В конце анализируемого монолога становится практически невозможно различить голоса рассказчика и героя: их субъектно-речевые линии полностью сливаются во фразах: «Там, дом, Север, и нет мастерской. А здесь тот же Север и есть мастерская. Отчего же не попробовать?».

Центральное место в речевой композиции текстов с экзегетическим повествователем занимает повествование о событиях («Время дождей», «Лебединая песня», «Дона, или последняя ночь в “Шато Лурье”»), которые в некоторых рассказах сопровождаются включением ретроспективных элементов, расширяющих пространственно-временные координаты нарратива. Так, например, в рассказ «В полёте в бездну» включён хронотоп детских воспоминаний: «В наплывающих сумерках рыжее пламя выстрела **полоснуло по памяти** и на мгновенье **отбросило** его **в далёкое детство**, к устью дышащей живым огнём русской печи» [2, 31]. В рассказе «Парижанка» присутствует

ретроспективный фрагмент о путешествии одного из персонажей в Россию: «Он помолчал немного, а потом **рассказал, как ездил в Россию**. Побывал там два раза» [2, 183].

В данной группе рассказов ключевым звеном является необозначенный повествователь, однако точность в изложении событий, повышенное внимание к деталям, стилистика речи дают все основания говорить о повествователе-участнике событий. Рассмотрим пример: «Он пристроился на табурет и сунул пятки в открытую дверцу топки. Погреть-поджарить. Он имел право несколько минут поцарствовать у огня, чтобы восстановить утраченное тепло. Потом нужно уступить место следующему, кто войдёт в школу. Бегали босиком, конечно, не все мальчишки. Кто от нужды, а кто просто так, чтобы пофорсить, мол, мы тоже не лыком шиты, и мы можем по снежку голыми пятками. <...> Прозвенел звонок на урок. Кубовая опустела. До следующей перемены. Это самое шумное и весёлое место в школе» («В полёте в бездну» [2, 34–35]). В приведённом текстовом фрагменте можно увидеть соединение элементов разговорного стиля «погреть-поджарить», «пофорсить», «не лыком шиты» с элементами публицистичности «имел право», «восстановить утраченное тепло», «нужно уступить место» и книжности «поцарствовать у огня». О разговорности свидетельствует также простой синтаксис, представленный двусоставными и односоставными предложениями, парцеллированной конструкцией, пересказ речи мальчишек разговорной конструкцией с частицей «мол».

Доминирующим способом организации нарратива в рассматриваемой группе рассказов выступает несобственно-авторское повествование с присущими ему структурно-семантическими, лексическими, морфолого-синтаксическими особенностями. Отличительной чертой данного типа изложения является взаимодействие, а иногда и совмещение субъектно-речевых партий повествователя и персонажей с доминированием авторского «слова». Ранее данная особенность идиостиля Е. Д. Айпина была замечена литературоведом К. Я. Лагуновым и охарактеризована им как недостаток, несовершенство языка писателя: «Всё время путается авторское восприятие с восприятием героя» [7, 159]. Нам представляется, что в языке писателя несобственно-авторское повествование – это особый поэтический приём, позволяющий автору мыслить о мире и себе в единстве взаимосвязей.

В рассказах Е. Д. Айпина данная форма организации повествования возникает как результат разложения диалога. Действительно, в композиционно-речевой структуре произведений диалогические единства уступают по частотности речевой партии повествователя. Сжатость речи персонажей, отсутствие развёрнутых диалогов служат отголоском этнического сознания хантов, которым свойственна немногословность, сдержанность, концентрация на «добрых мыслях». Герои Айпина говорят, выражают свою точку зрения, но в обрамлении авторского контекста. При этом полной ассимиляции субъектно-речевых сфер автора и персонажей не происходит. Традиционно исследователи считают, что «в структуре несобственно-авторского повествования фрагменты чужой речи воспроизводятся в отрыве от непосредственной ситуации речи» [6, 228]. В идиостиле Е. Д. Айпина наблюдается противоположное явление: воспроизводимое чужое «слово» сохраняет свою первоначальную интонацию, стилистику, а иногда и оценку: «Он всегда с разной интонацией произносил это слово: с нестариковской злостью, с обречённостью усталого человека с детским удивлением, с надеждой на определённый ответ. Но никогда – равнодушно! Марина считала его добрым. Он любил поговорить с ней: знал много всяких небылиц про тайгу, про зверей и птиц. Девушка подумала (РЕМАРКА) однажды, что он видит лучше всех зрячих. Может быть, и вправду видит лучше?! Ведь человеку помогают видеть не только глаза...!» [2, 139]. В данном примере обратим внимание на предложение с уточняющими компонентами, передающими восприятие и оценку девушки. Стилистика «чужого» высказывания просматривается в использовании элементов разговорности: бессоюзного сложного предложения, парцелированной конструкции. Голос героини звучит и в косвенной конструкции «он видит лучше всех зрячих». Идущее далее рассуждение репрезентирует интонационный рисунок речи девушки: «Может быть, и вправду видит лучше?! Ведь человеку помогают видеть не только глаза...!». Данное высказывание вводится в авторскую речь без сопровождения графических и пунктуационных маркеров, что свидетельствует о взаимодействии субъектно-речевых линий повествователя и персонажа.

Сохранение стилистики и интонации чужого высказывания лежит в основе формирования особого типа несобственно-авторского повествования, соотнесённого с прямой речью персонажей. Думается, что такой принцип организации нарратива во многом объясняется национальными истоками идиостиля Е. Д. Айпина, его желанием охватить «понятием “родственности” положительных героев и персонажей своих произведений» [14, 282]. Рассмотрим пример: «Она была из тех студенток, которых он отправлял учиться в Ленинград на Северный факультет и опекал до самого выпуска. Закончивших учёбу он устраивал на работу в районе. А Ирина нуждалась в особом внимании. **Считай**, выросла сиротой. Отец погиб на охоте. А у матери совсем, **мягко говоря**, нескладно сложилась жизнь. Девочка росла у бабушки. У такой студентки с этими пресловутыми реформами, **должно быть**, прибавилось немало забот. **Впрочем**, сейчас у кого проблем стало меньше? Таковых, **пожалуй**, нет совсем» [2, 58]. Начало фрагмента – авторский комментарий. Прямая речь героя вводится косвенной конструкцией «*Даже не спросил, что она делает в селе посреди учебного года*», которая, по сути, становится отправной точкой для переключения речевого регистра с партии повествователя на речевую сферу персонажа, мышления которого свободно включаются в авторскую речь. Вводные слова и выражения, активно представленные в рассматриваемом фрагменте, выступают в качестве маркеров субъектной сферы персонажа. Благодаря таким конструкциям создаётся иллюзия произносимой речи с элементами рассуждения. Повествователь разделяет точку зрения героя, их «голоса» практически невозможно различить. При этом фразы сохраняют лексику, синтаксис и интонацию речи персонажа. Данный текстовый фрагмент представляет собой пример несобственно-авторского повествования сказового типа.

Обсуждение и заключение

Итак, перейдём к выводам, полученным в ходе анализа.

1. В рассказах с диегетическим повествователем основной композиционно-речевой структурой является диалогизированный внутренний монолог рассказчика. Структура и

смысловая сторона данного монолога отражают в идиостиле Е. Д. Айпина народно-поэтическую основу речи. Ритмизация и напевность описания создаются благодаря активному использованию гипертропов и стилистических фигур, монтажа стиха и прозы. Доминирование в авторской речи описания формирует его повышенную образность. Авторская точка зрения выражается метафорически, через образы природы, как это свойственно мифо-поэтической картине хантов. Синтактико-пунктуационная и стилистическая организация чужого высказывания в структуре речевой партии рассказчика демонстрируют синтез разговорного, публицистического и художественного стилей как

отражение этнической составляющей в языке писателя.

2. В текстах с экзегетическим повествованием доминирует несобственно-авторская речь, представляющая собой результат разложения диалога и формирования сказа, в котором нарраторами в равной степени являются герой и повествователь. Автор предстаёт в маске участника событий, что обеспечивает гибкое слияние его голоса с голосами героев. Форма сказа даёт возможность отразить в стилистике авторской речи свойственную языковой картине хантов неспешную напевность и мелодичность процесса рассказывания, в котором едино слиты повествователь, герой и природа.

Список источников и литературы

1. Агакишеева У. Д. Лексические черты идиостиля Е. Айпина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). С. 72–75.
2. Айпин Е. Д. Собрание сочинений в 4-х т. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3. 383 с.
3. Вэлла Ю. К. Белые крики: Кн. о вечном: [Стихи и проза]. Сургут: Сев. Дом, 1996. 165 с.
4. Исакова С. А. Синтаксические конструкции в произведениях хантыйского писателя Е. Айпина (на материале рассказов книги Река-в-январе). URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/6.html> (дата обращения: 09.09.2019).
5. Исакова С. А. Этнопоэтика ранних рассказов Еремея Айпина (на материале сборника «Время дождей»). URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/4.html> (дата обращения: 09.09.2019).
6. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: Институт русского языка, 1994. 333 с.
7. Комаров С. А., Лагунова О. К. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 200 с.
8. Косинцева Е. В. Женские образы в хантыйской литературе. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. 100 с.
9. Косинцева Е. В., Куренкова Н. В. «Всё в этом мире от Бога...»: роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 143 с.
10. Кукуева Г. В. Внутренний монолог рассказчика в текстах региональной литературы (на материале рассказов Е. Айпина) // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов по материалам международной научной конференции. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 70–75.
11. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): автореф... д. филол. наук. Тюмень, 2007. 31 с.
12. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
13. Роговер Е. С., Нестерова С. Н. Творчество Еремея Айпина. СПб.: Олимп-СПб, 2007. 212 с.
14. Рябий М. М. О лирических рассказах Еремея Айпина // Эринтур (Поющее озеро). Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2013. Вып. 18. С. 282–286.
15. Сязи В. Л. Художественная концепция любви в прозе Е. Д. Айпина: национальное своеобразие, система образов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2017. 21 с.
16. Цымбалистенко Н. В. Утрата корней // Хантыйская литература. М.: Литературная Россия, 2002. С. 179–190.
17. Charrin A.-V. Regret et rejet du passé dans la littérature russe // Slovo. 2006. № 32–33. Pp. 125–147.
18. Ehrlich S. Point of View. London; New York: Routledge, 1990. 256 p.
19. Fillmore Ch. Pragmatics and the Description of Discourse. Radical Pragmatics. Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1981. 222 p.

20. Leech G. N, Short M. H. Style in Fiction. A Linguistic Introduction To English Fictional Prose. Harlow: Pearson Longman harlow, 2007. 425 p.
21. Toolan M. J. Narrative: a critical linguistic introduction. London & New York: Routledge, 1992. 282 p.

References

1. Agakisheeva U. D. *Leksicheskie cherty idiostilja E. Aypina* [The lexical features of the idiostyle of Ye. Aipin]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2016, no. 12, pp. 72–75. (In Russian)
2. Aipin Ye. D. *Sobranie sochinenij v 4-h t.* [Collected works in 4 vol.]. Saint-Petersburg: Amfora Publ., 2014. Vol. 3. 383 p. (In Russian)
3. Vella Yu. K. *Belye kriki: Kn. o vechnom* [White screams: The book about the eternal]. Surgut: Sev. Dom Publ., 1996. 165 p. (In Russian)
4. Isakova S. A. *Sintaksicheskie konstruksii v proizvedeniyakh khantyyskogo pisatelya E. Aypina (na materiale rasskazov knigi «Reka-v-yanvare»)* [Syntactic constructions in the works of the Khanty writer Ye. Aipin (based on the stories of the book «River-in-January»)]. Available at: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/6.html> (accessed September 12, 2019). (In Russian)
5. Isakova S. A. *Etnopoetika rannikh rasskazov Eremeya Aypina (na materiale sbornika «Vremya dozhdey»)* [Ethnopoetics of the early stories by Yeremey Aipin (based on the material of the collection «Time of Rains»)]. Available at: <http://www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/4.html> (accessed September 12, 2019). (In Russian)
6. Kozhevnikova N. A. *Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX–XX vekov* [Types of narrative in Russian literature of the XIX–XX centuries]. Moscow: Institut russkogo yazyka Publ., 1994. 333 p. (In Russian)
7. Komarov S. A., Lagunova O. K. *Literatura Sibiri: missiya, etnichnost', aksiologiya* [Literature of Siberia: mission, ethnicity, axiology]. Tyumen: Izd-vo Tyumen. gos. un-ta Publ., 2016. 200 p. (In Russian)
8. Kosintseva E. V. *Zhenskije obrazy v khantyyskoy literature* [Female images in Khanty literature]. Khanty-Mansiysk: Pechatnoe delo Publ., 2010. 100 p. (In Russian)
9. Kosintseva E. V., Kurenkova N. V. *«Vse v etom mire ot Boga...»: roman E. D. Aypina «Bozh'ya Mater' v krovavykh snegakh»* [«Everything in this world is from God ...»: the novel by Ye. D. Aipin «The Mother of God in Bloody Snow»]. Khanty-Mansiysk: IITs YuGU Publ., 2010. 143 p. (In Russian)
10. Kukueva G. V. *Vnutrenniy monolog rasskazchika v tekstakh regional'noy literatury (na materiale rasskazov E. Aypina)* [Internal monologue of the narrator in the texts of regional literature (on the material by Ye. Aipin's stories)]. *Innovatsionnye tekhnologii i podkhody v mezhkul'turnoy kommunikatsii, lingvistike i lingvodidaktike: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Innovative technologies and approaches in intercultural communication, linguistics and linguodidactics: collection of proceedings of the international scientific conference]. Barnaul: AltGPU Publ., 2018. pp.70–75. (In Russian)
11. Lagunova O. K. *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti XX veka (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi)* [Phenomenon of creativity of the Russian-language writers (Nenets and Khanty) of the last third of the XX century (Ye. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi)]. Tyumen, 2007. 31 p. (In Russian)
12. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic research: semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2010. 480 p. (In Russian)
13. Rogover E. S., Nesterova S. N. *Tvorchestvo Eremeya Aypina* [Creativity of Yeremey Aipin]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2007. 140 p. (In Russian)
14. Ryabiy M. M. *O liricheskikh rasskazakh Eremeya Aypina* [About the lyrical stories by Yeremey Aipin]. *Erintur (Poyushchee ozero)* [Erintur (The Singing Lake)]. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry Publ., 2013. Vol. 18. pp. 282–286. (In Russian)
15. Syazi V. L. *Khudozhestvennaya kontseptsiya lyubvi v proze E. D. Aypina: natsional'noe svoeobrazie, sistema obrazov* [Artistic conception of love in Ye. D. Aipin's prose: national originality, system of images]. Khanty-Mansiysk, 2017. 21 p. (In Russian)
16. Tsymbalistenko N. V. *Utrata korney* [The loss of roots]. *Khantyyskaya literature* [Khanty literature]. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ., 2002. pp. 179–190. (In Russian)
17. Charrin A.-V. Regret et rejet du passé dans la littérature russe. *Slovo*, 2006, no. 32–33, pp. 125–147. (In French)
18. Ehrlich S. *Point of View*. London; New York: Routledge, 1990. 256 p. (In English)

19. Fillmore Ch. *Pragmatics and the Description of Discourse. Radical Pragmatics*. Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1981. 222 p. (In English)
20. Leech G. N, Short M. H. *Style in Fiction. A Linguistic Introduction To English Fictional Prose. 2nd Edition*. Harlow: Pearson Longman, 2007. 425 p. (In English)
21. Toolan M. J. *Narrative: a critical linguistic introduction*. London & New York: Routledge, 1992. 282 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кукуева Галина Васильевна, профессор кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (628417, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2), доктор филологических наук.
ORCID.ORG: 0000-0001-6140-690X
kupala@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kukueva Galina Vasilyevna, Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (628417, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2), Doctor of Philological Sciences.
kupala@inbox.ru
ORCID.ORG: 0000-0001-6140-690X